

Гжегож В. Колодко¹**ЭРА АЗИИ НА ФОНЕ ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ?**

Времена сейчас мирные, но при этом идут войны. К счастью, между мировыми титанами войны бескровные. Тем не менее, к сожалению, холодная торговая война может превратиться в горячую войну, и на смену сдержанным и тихим спорам приходит открытая и громкая конфронтация. Это происходит главным образом потому, что Запад боится растущей конкуренции со стороны Востока, и если Запад будет играть по правилам, то справиться ему с Востоком не удастся². Поэтому повышается уровень лицемерия — для Соединенных Штатов Америки лучшей иллюстрацией является слоган: «Поступай так, как мы велим, а не так, как мы поступаем», то есть полная убежденность в своей правоте. Постоянно говорят о свободной торговле и либеральной экономике, о передаче технологий и прямых инвестициях, а сами прибегают к протекционистским маневрам, открытым или маскируемым под политическую риторику.

Существует серьезная угроза все более активного использования протекционистской практики. Это поддерживает торговлю. Наряду с давлением со стороны определенных политических кругов главную роль играет психоз относительно неукротимого наступления Востока, подхлестываемый средствами массовой информации. Лучшим примером такой угрозы является Китай, и эту страну чаще всего будут призывать к порядку. Это уже происходит, иногда вне разумных пределов.

Во времена глобализации и присущей ей борьбы за влияние и положение честной политики не существует³. Китай использует как политический, так и промышленный шпионаж. Сегодня ему это делать труднее, поскольку он находится в центре внимания. Американцы, русские, англичане, немцы, французы, японцы, а также представители некоторых других стран это тоже делают. Даже если мы не одобряем такой практики, приходится признать, что она существует.

Азия является быстро растущей силой. Объемы производства и численность населения континента быстро растут, на Азию приходится более 62 % населения всей планеты, 57,5% из которых находятся за пределами Ближнего Востока, который часто по геополитическим соображениям рассматривают отдельно. Эта человеческая масса генерирует немногим бо-

лее 46 % валового мирового продукта (ВМП), больше, чем США и ЕС, вместе взятые. Без Ближнего Востока это более 38 % ВМП. В будущем доля населения Азии, как и доля ее объема производства, будет увеличиваться из-за более высоких темпов роста населения и экономики. Следует помнить, что когда-то — фактически на протяжении всего последнего тысячелетия примерно до 1820 года, когда уровень производства на Западе резко подскочил в результате промышленной революции, — на долю Азии приходилось свыше 60 % мирового производства. В 1950 году эта цифра составляла менее 20 %, но понадобились усилия всего лишь двух поколений, чтобы этот показатель удвоился. Может быть, уже в 2030 году он опять перевалит за половину.

Азиатский континент чрезвычайно разнообразен с позиций культуры, политики и экономики, особенно если смотреть с географической точки зрения и идти по границам континента от Турции и Израиля на западе до Японии и российской Сибири с Камчаткой и Чукоткой на Дальнем Востоке. Если оставить в стороне азиатскую часть России, которая обычно не учитывается при экономических расчетах по Азии, то четыре основных ядра континента — это Китай и Япония, а также два блока региональной интеграции: АСЕАН в Юго-Восточной Азии, без доминирующей экономики, и Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии, где доминирует Индия, региональная сверхдержава с точки зрения численности населения, а также экономической и военной мощи. Из 12 стран мира с населением свыше 100 млн человек 7 — Китай, Индия, Индонезия, Пакистан, Бангладеш, Япония и Филиппины — расположены в Азии. Вскоре к ним присоединится Вьетнам и Турция. Из 20 стран, на которые приходится более 1 % мирового объема производства, 8 — Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Индонезия, Турция, Иран и Тайвань — находятся в Азии. Поэтому, размышляя о будущей роли Азии, ее демографическом потенциале и культуре, политическом значении и особенно ее экономическом влиянии, следует помнить, что это почти во всех отношениях крупнейший регион в мире.

Нет никаких сомнений, что истинная позиция Китая — не только экономическая, но и, следовательно, как это всегда бывает с большой страной, политическая и военная, — а также его влияние на мировые события усиливаются, и в обозримом будущем это будет продолжаться. С помощью мирных методов этот процесс невозможно остановить и уж тем более повернуть вспять. А другие методы исключаются. Это придется признать всем, независимо от собственных интересов и субъективных предпочтений. Нам нужно снова сделать шаг вперед и попытаться найти свое место в меняющемся мире завтрашнего дня.

На этот раз китайский вызов — это не бряцание атомным оружием и (к счастью) не безнадежная попытка экспорта революции, это главным образом

¹ Вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор 50 книг и более 400 статей, изданных на 26 языках, в т. ч.: «25 лет трансформации: от нелиберальных провалов к прагматичному росту» (в соавт.), «Мир в движении: экономический бестселлер», «Глобализация, трансформация, кризис — что дальше?», «От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований», «Куда идет мир: политическая экономия будущего» и др. Член Европейской академии искусств, наук и гуманитарных исследований. Почетный доктор десяти иностранных университетов.

² Spence M. The Next Convergence. The Future of Economic Growth in a Multispeed World. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2011.

³ Kolodko G. W. Whither the World: The Political Economy of the Future. N. Y. : Palgrave MacMillan, 2014.

успешный экспорт товаров и, что весьма важно, экспорт капитала. Все это происходит в ходе различных товарообменных сделок, которые увеличивают присутствие Китая по всему миру. Это заметно не только по данным статистики и участию в крупных международных выставках, но и видно невооруженным глазом при поездках в разные страны. То, что не так заметно сейчас, но имеет первостепенное значение для будущего, — это долгосрочные последствия крупных инфраструктурных проектов, финансируемых в обмен на многолетние контракты на поставку стратегического сырья. Это особенно заметно в Африке и Латинской Америке, а также, как ни странно, в российской Сибири, но пока в гораздо меньшем масштабе. В будущем именно в этом регионе будут происходить серьезные изменения, основанные главным образом на совместных российско-китайских инвестициях и проектах по добыче полезных ископаемых.

Китай тратит значительные средства за рубежом на финансирование инфраструктуры для совершенствования трудовых ресурсов: школ и университетов, поликлиник и больниц. Для этого используются кредиты на льготных условиях, которые в некоторых случаях частично отменяются и становятся субсидиями. К реализации проектов в области инфраструктуры привлекают крупные китайские строительные компании, поэтому не удивительно, что они становятся основными глобальными игроками. Если взглянуть на геополитическую карту мира с этой точки зрения, легко заметить, что Китай особенно активен там, где Запад потерпел поражение. Сначала, в колониальный период, Запад использовал местное население, вместо того чтобы помогать ему, затем, в неоколониальный — обманул эти народы, не предложив сотрудничества, а недавно, во время глобализации, игнорировал их, вместо того чтобы искать сферы позитивного синергизма. Если бы все это не закрепилось в памяти этих народов на их пути к независимости, они были бы менее склонны поворачиваться в другую сторону, где им могут предложить что-то более ценное.

Хотя все это, несомненно, способствует сокращению масштабов нищеты и социально-экономическому развитию, Китай, в том числе и по этой причине, подозревают или даже обвиняют в недобрых намерениях, идеологической обработке и политической коррупции, а то и в империализме XXI века. Даже если это отчасти и так, это не отменяет того факта, что такая стратегия помогает менее развитым странам. Если это создает угрозу для баланса влияния, тогда, вместо того чтобы тратить время на критику китайской экспансии, богатому Западу следует увеличить собственную помощь и переориентировать методы работы и стратегические направления деятельности международных организаций, на которые сильно влияет китайская экспансия.

Возникает вопрос: не почувствуем ли мы китайское давление на Миссисипи, Амазонке, Дунае, Ниле, Висле, Лимпопо и особенно на Ганге и Енисее? Конечно, почувствуем, еще как. Уже чувствуем. Это не только результат нынешних торговых, финансовых и инвестиционных отношений. В некоторых регионах, особенно в Юго-Восточной Азии, связи с Китаем складывались

на протяжении столетий. В частности, там существовала система императорской власти вместо колонизации западного и арабского стили. В течение 2 тыс. лет Китай использовал торговлю и уникальную дипломатию для оказания значительного влияния на многих из его ближних и дальних соседей, включая весь регион, который сегодня образует ассоциацию стран АСЕАН. Тогда Китай действительно находился «посередине» этого мира и не прибегал к военным завоеваниям или политическому порабощению, и система отношений отличалась от той, что использовали другие цивилизации того времени. Эта система была основана на глубоком убеждении, что Китай — это центр мира, а император — сын неба, и все остальные, естественно, должны быть его вассалами. Такой подход культивировала китайская дипломатия, которая имела мало общего с западной. Страны, которые желали торговать с Китаем, — а их было довольно много, потому что китайский рынок всегда был привлекательным, — посылали свои «дипломатические» миссии, которые покорно везли дань в Пекин, чтобы снискать благосклонность властей, без протекционизма которых невозможно было свободно проникнуть на емкий рынок¹. Когда европейцы прибыли в Китай в XVI веке, они также следовали этим правилам.

Зависимость от китайской экономической ситуации можно наблюдать на многих уровнях, и это касается не только прямого экспорта и импорта. В литературе по этому вопросу даже появился термин «индекс зависимости от Китая» (*sinodependency index*). Этот показатель отражает изменения в индексе ценных бумаг 500 компаний (S&P 500), который зависит от позиции 135 включенных в него компаний, получающих свои доходы от операций в Китае. Если китайская экономика находится на подъеме, то же самое происходит и с биржевыми котировками, и наоборот. За период с 2009 по 2012 год индекс зависимости от Китая вырос почти на 130 %, а индекс S&P 500 — лишь немногим больше, чем на 50 %. Другими словами, если бы не продолжающийся китайский бум, мировая экономика была бы в гораздо худшем состоянии, что негативно сказалось бы на фондовых биржах во многих других странах, включая наиболее развитые. Так что те, кто желает зла Китаю, желают того же самим себе.

Проблемы низкой эффективности некоторых китайских государственных компаний множатся; становится очевидным несоответствие между структурой снабжения и спросом; многие компании имеют огромные задолженности, теряют ликвидность или уже находятся на грани банкротства; процветает коррупция, особенно на пересечении частного бизнеса и государственного сектора. Это не то государственно-частное партнерство, о котором мы говорим. Наибольшие возможности для коррупции — в системе государственных закупок, следовательно, темпы строительства современных автомагистралей и скоростных железных дорог и темпы роста числа коррумпированных чиновников, иногда высокого уровня, похоже, стремятся обо-

¹ Vohra R. China's Path to Modernization: A Historical Review from 1800 to the Present. Upper Saddle River : Prentice Hall, 1999.

гнать друг друга. Несмотря на несомненные достижения в области охраны окружающей среды, например облесение, размещение предприятий по переработке отходов в городских агломерациях и использование солнечной энергии, общая ситуация в этой сфере ухудшается. Согласно оценкам, 16 из 20 самых загрязненных городов мира находятся в Китае.

Все это неудивительно, и экономическая политика пытается решать возникающие проблемы, к примеру, с помощью дальнейшей децентрализации управления, изменений в налоговой системе и дерегулирования рынка труда¹. Превратилось в клише высказывание, что нам нужно делать больше, в том числе когда речь идет об обеспечении более эффективного общественного контроля над экономической политикой. На Западе мы постоянно слышим, что делается слишком мало, слишком поздно, что снижаются темпы развития, но этого пока не наблюдается.

Китаю обеспечены по крайней мере два года, а скорее всего — более десяти лет быстрого роста (некоторые считают, что даже несколько десятилетий, но это ошибочное мнение), который более чем в два раза превысит средний общемировой рост и в три раза — рост богатых стран. Китай не вернется, за исключением отдельных лет, к двузачным показателям темпов роста, но по-прежнему сможет быстро наращивать свой национальный доход. Как долго? И насколько? Это более обширная проблема, поскольку Китай — не единственная быстро развивающаяся страна. На протяжении многих лет мир обсуждает «азиатское экономическое чудо», имея в виду впечатляющий рост как в «единственных в своем роде» Сингапуре, Гонконге и Тайване, так и в гораздо более крупных странах, таких как Индонезия, Южная Корея, Таиланд, Малайзия, а недавно к ним присоединился еще и Вьетнам. Высоки темпы роста в такой густонаселенной стране, как Индия.

Предположим, что эти страны не совершат стратегических ошибок, которые опустят их рост до низкого уровня. Тогда как долго будет продолжаться столь быстрый рост экономики азиатских стран, показатели которого значительно превышают показатели других стран и регионов? Не только в азиатском контексте, но и в целом с точки зрения теории и политики экономического роста правильнее спросить: не как долго, а до какого уровня этот рост возможен? Другими словами, при каком уровне дохода динамика роста производства начинает снижать обороты? Если мы получим ответ на этот вопрос, мы сможем спрогнозировать, в течение скольких лет развивающиеся страны могут надеяться на продолжение подъема по лестнице доходов.

Запад, то есть Евроатлантика без Японии и Америки, с его высокомерием и чувством предполагаемого превосходства может, следуя старому изречению *о двух собаках, дерущихся из-за кости, которую уносит третья собака*, считать, что некоторые внутренние азиатские конфликты, до тех пор пока они не слишком разгорелись, работают в его пользу. Как видим, на азиатском континенте нет недостатка в разделительных ли-

ниях. Шрамы, сохранившиеся с колониальных времен, а также не полностью залеченные раны периода Второй мировой войны и нескольких более поздних региональных конфликтов влияют на двусторонние и многосторонние политические отношения, что отражается на дипломатических отношениях и культурном обмене. Мы видим это и в секторе туризма, поскольку в наши дни легче найти группы китайских туристов в беспокойном Египте, чем в Южной Корее, и больше японцев путешествует вдали от дома, на Ближнем Востоке, чем в соседнем Китае.

Это отнюдь не еще одно столкновение цивилизаций, а проблема, которая выходит далеко за рамки ожесточенной рыночной конкуренции или даже экономической войны. Может показаться, что происходит торговый и валютный спор между США и Китаем или, в более широком смысле, спор между евро-атлантическим Западом и азиатским Востоком, но существуют и другие базовые источники разногласий. Речь идет о гораздо более важных явлениях, чем то, что Huawei угрожает Motorola, ZTE — Apple, а Samsung — Nokia, что все более ощущается конкурентоспособность Индии или что существуют опасения по поводу проникновения в некоторые сектора капитала из дружественной арабской страны, как было в случае с предполагаемыми инвестициями дубайской компании в американские порты. Дело в том, что либеральный капитализм, чье неолиберальное отклонение полностью компрометирует себя в результате экономического кризиса и растущего конфликтного потенциала всей системы, противостоит государственному капитализму. Речь идет о еще одном, на этот раз глобальном измерении конфронтации между рынком и государством.

Точно так же, как есть несколько видов либерального капитализма, существует несколько видов государственного капитализма. Европейский тип, цитаделью которого является Франция, где умеряемое фискальным перераспределением участие правительства в экономике достигает 57 %, ушел в прошлое. Он не представляет собой серьезной угрозы, но и не сулит больших надежд на светлое будущее. В отличие от него азиатский тип государственного капитализма может быть делом будущего в ряде освобождающихся стран, поскольку он лучше, чем другие системы, справляется с проблемами, связанными с экономическим ростом в эпоху глобализации. Постсоветский государственный капитализм, которому еще предстоит дать четкое определение, и его более мягкий латинский вариант ищут свое место где-то посередине. На долю государственных компаний приходится 80 % объема китайского рыночного капитала, 62 % — российского и 38 % — бразильского. То, какую сторону конфронтации между Азией и Евроатлантикой выберут освобождающиеся страны других регионов, будет иметь первостепенное значение для будущего всего мира, для формирования политической и экономической системы завтрашнего дня.

Для всего мира Китай становится все более привлекательным, а Запад теряет привлекательность для многих регионов. Оказывается, все больше стран ориентируют свою денежно-кредитную политику на юань,

¹ Lin J. Y. *Demystifying the Chinese Economy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.

а не на доллар. Если обменный курс доллара к швейцарскому франку меняется на 1 %, валюты стран Западной Азии меняются в том же направлении на 0,38 %. Но когда то же самое происходит с юанем, они меняются на 0,53 %. По оценкам, по сравнению с последними докризисными годами, в 32 из 52 стран, классифицированных как «страны с формирующимся рынком», опорное положение доллара снизилось, причем в пользу юаня. В контексте таких тенденций, и особенно учитывая ожидаемое продолжение быстрого экономического роста и увеличения доли Китая в глобальной торговле, можно найти прогнозы, что уже в 2035 году китайская валюта станет доминирующей в мире¹. Это еще одна ошибка. Международное значение юаня, также называемого жэньминьби, будет расти, но он не станет доминирующей валютой. Также сомнительно, что юань когда-либо заменит доллар в качестве лидера, по крайней мере в 2035 году, конечно же, этого не произойдет. Если какая-то валюта и сбросит с престола доллар, в котором хранится свыше 62 % мировых валютных резервов, то это будет не юань, а евро, ведь именно в нем хранится около четверти таких резервов; при условии, конечно, что евро справится с кризисом.

Китай вошел в моду настолько, что не только в области экономики можно найти много мнений, основанных не на надежных научных исследованиях, а скорее следующих моде. То же самое происходит и в других областях — от искусства до политики. Несомненно, в отношении Китая встречалось много преувеличений, вызвавших образование рыночного пузыря. Три из десяти самых дорогих произведений искусства, проданных в 2011 году, были созданы китайскими художниками, в том числе картина «Орел на сонне» Ци Байши (1864–1957), на которую нашелся покупатель, отдавший 65 млн долларов. Картина действительно красивая, но сколько бы анонимный инвестор ни потерял этой сделке, это его проблема. Проблема для всех нас — это растущая мода на все китайское в экономической политике. В последние годы у всех на слуху еще один термин — «пекинский консенсус»². По очевидным причинам он противопоставляется вашигтонскому консенсусу, в настоящее время отпавшему на свалку экономической истории и отнесенному на периферию господствующей политической экономией. Так существует ли такая вещь, как пекинский консенсус? Может быть, это еще одно изобретение западных политических наук, ведь оба эти термина появились в США, а китайцы могут вполне обойтись и без него? Да, именно так.

Кстати, четверть века назад, когда появился термин «вашигтонский консенсус»³, ни в политических, ни в технократических кругах Вашингтона не было единодушия в отношении того, как обращаться с внешним

миром или, точнее, с капризными «формирующимися рынками» сначала в Латинской Америке, а вскоре после этого в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Тогда очень популярной стала концепция неолиберального дерегулирования рынка, приватизации имущества и ограниченной роли государства, которая была названа консенсусом по названию города, который, безусловно, является одним из самых влиятельных в мире, если не самым влиятельным. Дело завершили средства массовой информации и экономическая политика, которая, как попугай, любит повторять броские термины, даже если они неточные, неподходящие или весьма нелепые. Позднее предпринимались попытки изменить эту концепцию экономической политики путем добавления институционального уровня и соответствующего социального содержания под новым названием «пост-вашигтонский консенсус»⁴. Тогда не казалось, что Пекин может заменить Вашингтон и что Китай возьмет на себя роль Соединенных Штатов Америки.

Сейчас похожая ситуация, потому что в политических или технократических кругах Пекина нет окончательного согласия в отношении того, как обращаться с внешним миром, особенно с другими освободившимися экономиками. Однако, поскольку становятся очевидными некоторые направления экспансии Китая и проявляется китайская система ценностей, отличная от западной, мы говорим о пекинском консенсусе. Его общее толкование сводится к регулированию экономики, значительному государственному участию в ней и интервенционизму, когда экономические атрибуты идут рука об руку с политическим централизмом. И снова средства массовой информации и любитель раздавать клише — экономическая политика — пытаются сделать все остальное, но на этот раз термин так быстро не подхватили.

В реальности как в академических, так и в высших политических кругах Китая взгляды вовсе не единодушны, и сейчас до достижения консенсуса дальше, чем когда-либо. Разброс мнений намного шире, чем в отношении западных стереотипов, что является отражением разделения между «левым крылом», призывающим к укреплению государственного сектора и бюрократического надзора над экономикой, и «правым крылом», предлагающим дальнейшую денационализацию и дерегулирование. Примечательно, что ведущий китайский экономист и до недавнего времени главный экономист Всемирного банка Джастин Ифу Линь озглавил свою книгу по экономической политике «*Против консенсуса*»⁵.

Усилия по вестернизации мира, и особенно по его американизации, потерпели неудачу, это же случится и с попытками его китаизировать, если таковые будут предприняты, но этого не произойдет. Как преувеличены оценки китайской экономической реальности, кото-

¹ Subramanian A., Kessler M. The Renminbi Bloc Is Here: Asia Down, Rest of the World to Go? // Working Paper, 12–19. Peterson Institute for International Economics. Washington, 2012. Oct.

² Halper S. The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century. N. Y. : Basic Books, 2010.

³ Williamson J. What Washington Means by Policy Reform // Latin American Adjustment: How Much has Happened? / ed. by J. Williamson. Washington : Institute for International Economics, 1990.

⁴ Stiglitz J. E. More Instruments and Broader Goals: Moving Toward the Post-Washington Consensus // Wider Annual Lecture, 2, Unu-Wider. Helsinki, 1998 (Mar.) ; Kolodko G. W. Transition to a market economy and sustained growth. Implications for the post-Washington consensus // Communist and Post-Communist Studies. 1999. Vol. 32, № 3.

⁵ Lin J. Y. Against the Consensus... // Lin J. Y. Op. cit.

рую иногда сводят к «авторитарному капитализму»¹, так же преувеличены и предположения относительно имперских амбиций Китая. Иллюзорный пекинский консенсус не отменяет вашингтонского, который покидает сцену по собственной вине. Требуется что-то другое, лучше и перспективнее.

Это трудно, потому что со времени беспрецедентного интеллектуального и морального позора неолиберального капитализма не появилось инновационной и привлекательной идеи, которая могла бы заполнить образовавшуюся пустоту². Ни Китай (с радостью опирающийся на великого Конфуция, чьи идеи, однако, не могут стать основой для будущего), ни кто-либо еще в Азии или за ее пределами не имеет готового ответа на основополагающий вопрос: «Что дальше?». Что нам точно следует делать — это приложить колоссальные усилия для защиты универсальных ценностей Запада. Политический неолиберализм делает посмешищем подлинную демократию, а экономический — превращает экономику в свою частную ферму, но это не значит, что нам не следует дорожить либеральными ценностями: свободой, наличием выбора, добросовестной конкуренцией, свободой предпринимательства, рынком и социальной экономикой. Азия тоже может на них опираться.

Из всего вышесказанного следует, что рождается мир с несколькими экономическими и политическими центрами, расцветает многообразие культур, и ни одна

из них, даже из основных, не будет полностью доминировать, в то время как другие отступят на задний план. В этом смысле в будущем найдется место для всех³. Ну, или почти для всех. Мир будущего — это многополярный, неоднородный и поэтому культурно более богатый мир. Если нам удастся должным образом ориентировать и контролировать постоянный, бесконечный диалог, то не будут происходить разрушительные столкновения цивилизаций, а возникнет их творческая гармония.

Облик мира в XXI веке главным образом будет определяться не столько результатом прямого экономического соперничества между Азией и Европой с Америкой, сколько тем, как будут взаимно проникать эти мегасистемы ценностей, институтов и политики, как они будут фильтровать и обогащать друг друга. Происходящая сегодня конфронтация является скорее возможностью для будущего, чем угрозой для него. Нам следует, однако, понимать, что появляются не только новые рынки, как бы это определял неолиберальный капитализм, но и альтернативные идеологии. Чем быстрее это признают интеллектуальные лидеры и руководители мировых политических и экономических центров, тем лучше. Таким образом, наибольшая угроза для богатого западного мира, а также для некоторых освободившихся экономик, которые пытаются слепо следовать за ним, исходит не от Китая, а от мифа о совершенном рынке⁴.

¹ *McGregor J.* No Ancient Wisdom, No Followers: The Challenges of Chinese Authoritarian Capitalism. Westport : Prospecta Press, 2012.

² *Pankaj M.* From the Ruins of Empire: The Revolt Against the West and the Remaking of Asia. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2012.

³ *Kupchan Ch. A.* No One's World. The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2012.

⁴ *Kolodko G. W.* Truth, Errors, and Lies: Politics and Economics in a Volatile World. N. Y. : Columbia Univ. Press, 2011.